

БИБЛЕЙСКИЙ ИСТОЧНИК ПОЭМЫ В. И. СОКОЛОВСКОГО «ХЕВЕРЬ»

Дарья Романовна Железняк

студент магистратуры
Северо-Кавказского федерального университета
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
soul.darya@bk.ru

Для цитирования: Железняк Д. Р. Библейский источник поэмы В. И. Соколовского «Хеверь» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2023. № 2 (9). С. 44–52. DOI: 10.31802/WI.2023.9.2.003

Аннотация

УДК 82–121

Данная работа посвящена рассмотрению художественно-философского своеобразия поэмы Соколовского «Хеверь» через обращение к библейскому источнику, что сопряжено в нашем исследовании с функциональным подходом к изучению источников художественного произведения, позволяющим не просто установить и описать источники поэмы, но и рассмотреть их значимость в воплощении идеи, в становлении художественного целого. Принципиально важное место в нашем исследовании занимают: категория жанровой «концепции человека», раскрывающая специфику драматической поэмы как жанра исследуемого произведения; категория культурной традиции, позволяющая рассмотреть библейский источник «Хевери» через призму особенностей изображения библейских сюжетов в эстетике русского романтизма; и категория «идеи человека», выражающая тип мироотношения и обращающая нас к наиболее широкому историко-литературному контексту.

Ключевые слова: источник художественного текста, библейский контекст, культурная традиция, романтизм.

Biblical Source of the Poem «Hever» by V. I. Sokolovsky

Daria R. Zheleznyak

MA student of the North-Caucasus Federal University

1 Pushkina Street, 355017 Stavropol, Russia

sou.l.darya@bk.ru

For citation: Zheleznyak, Daria R. "Biblical Source of the Poem 'Hever' by V. I. Sokolovsky". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (9), 2023, pp. 44–52 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2023.9.2.003

Abstract. The article considers the artistic and philosophical originality of Sokolovsky's poem "Hever" through an appeal to the biblical source. This is associated with a functional approach to studying of the sources of an artwork, which allows not only to establish and describe the sources of the poem, but also to consider their significance in the embodiment of the idea, in the formation of an artistic whole. A fundamentally important place in our article is occupied by: the category of the genre "a concept of a person", which reveals the specifics of a dramatic poem as a genre of the artwork; the category of cultural tradition, which allows us to consider the biblical source of "Hever" through the prism of the depiction of biblical scenes in the aesthetics of Russian romanticism; and the category of "an idea of a person", which expresses the type of attitude to the world and turns us to the broadest historical and literary context.

Keywords: source of literary text, biblical context, cultural tradition, romanticism.

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808–1839 гг.), творчество которого в 30-е гг. XIX века было широко известно в среде передовой русской интеллигентной молодёжи, сейчас является поэтом незаслуженно забытым. В своё время Соколовским, совсем молодым тогда автором заинтересовались члены Герценовского кружка. Сам А. И. Герцен во второй части «Былого и дум» писал, что «автор “Мироздания”, “Хевери” и других довольно хороших стихотворений, имел большой поэтический талант...»¹. Говоря о творчестве Соколовского, в литературоведческой и критической практике принято отмечать его приверженность библейской тематике и сюжетике². Соколовским были написаны, помимо «Мироздания» и «Хевери», также и иные произведения, в основе которых лежат библейские источники: поэма «Альма» (1837), которая состоит из переложений Песни Песней Соломона и фрагментов других книг Ветхого Завета, и «Ода на разрушение Вавилона» (1839), в основе которой — Книга пророка Иеремии и Книга пророка Исаяи.

Весьма близка Соколовскому была и социально-политическая тематика. В этом ключе существует точка зрения, представленная писателем В. Чивилихиным, называющим Соколовского литератором, умевшим «иносказательно преподнести свои социально-утопические грёзы и демократические идеи в искусственной ветхозаветной упаковке»³. С этим, на наш взгляд, нельзя в полной мере согласиться, так как таким образом нивелируется роль *культурной традиции* (здесь и далее курсив. — Д. Ж.).

Как известно, особое место в истории русского романтизма занимает «восточный стиль», который, по словам Г. А. Гуковского, «для передовых кругов литераторов стал “символом освободительной героики”»⁴. «Пёстрый» стиль, соединяющий в себе бури бушующих в человеке страстей с воинственностью и неукротимой жаждой воли, был широко распространённым культурным явлением. Библейская трагедия в восточном стиле, имевшая политически-освободительный подтекст, нашла свое развитие в русской «библейской» пьесе. Ещё в 1809 г. была

1 Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 8: Былое и думы. 1852–1856. Ч. 1–3. М., 1956. С. 210.

2 См.: Киселев-Сергенин В. С. В. И. Соколовский // Библиотека поэта. Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Т. 2. Л., 1972. С. 365–367.

3 Чивилихин В. А. О В. И. Соколовском // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Т. 2. Ставрополь, 2011. С. 249.

4 Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 257.

издана трагедия Державина «Ирод и Мариамна», написанная на сюжет Иосифа Флавия. Здесь же нельзя не упомянуть знаменательные переводы пьес Расина, разумеется, не случайно появившиеся в эти годы: особенно интересен для нас перевод «Эсфири» П. А. Катениным, который также может включаться в круг источников драматической поэмы «Хеверь» Соколовского.

«Восточный стиль» включал в себя нарочитое использование церковнославянизмов и библеизмов, что создавало особый пафос величественности и священного ужаса, при этом сгущались параллелизмы, многочисленные метафоры и яркие антитезы. Крайне важна и сама атмосфера затаённого восторга и трепета, которая в творчестве Соколовского смешивалась с предвосхищением некоторого абсолютного таинства будущего. Во всех поэмах Владимира Соколовского обращают на себя внимание расширенные, витиеватые монологи, славословия, общая звучность и риторическая пресыщенность пышной стихотворной речи, богато орнаментированной неординарными эпитетами, пёстрыми сравнениями, а также экзотическими именами и культурно-историческими терминами. Стоит сказать, что К. Э. Штайн и Д. И. Петренко относили творческую личность Соколовского к руслу «речевого мышления, свойственному декабристу как “особому типу русского человека”»⁵ и это исследователи определяли как барочность стиля русских романтиков. Но никак нельзя сказать, что восточная стилистика и ветхозаветная сюжетика были всего лишь искусственным фоном для выражения социальных идей Соколовского. Они естественным образом продолжают ту культурную традицию, в которой родился творческий голос поэта и имеют при этом свои важнейшие особенности.

Обращаясь непосредственно к исследуемому нами произведению, стоит остановиться на небольшой истории публикации поэмы «Хеверь». Изначально Соколовский под заглавием «Эсфирь» представил её в гражданскую цензуру, откуда она перешла в духовную и не получила разрешения к печати. В поэме немало существенных отступлений от библейской «Книги Эсфирь», что вынудило автора изменить название на «Хеверь», а также переименовать всех персонажей произведения. После чего Владимир Соколовский вновь подал её в светскую цензуру, и поэма благополучно вышла в свет. На обороте шмуцтитула «Хевери» шёл перечень персонажей под заголовком «Действующие»: Ахшверус — царь персов и мидян. Хеверь — молодая еврейка, дочь Аминабада,

5 Штайн К. Э., Петренко Д. И. Лермонтов и барокко. Ставрополь, 2007. С. 55.

невеста царя и потом его супруга. Дедан — царский друг и верховный сатрап. Асадай — родственник и воспитатель Хевери, происходящий с нею из одного колена, известный под именем её отца. Им соответствуют следующие имена в Библии: Артаксеркс, Эсфирь, Аман, Мардохей. Здесь же можно обнаружить надпись: «Содержание поэмы изобретено подражательно»⁶. Действительно, сюжет книги Эсфири в Библии представлен совсем иначе, нежели в поэме Соколовского. В Ветхом Завете дано повествование об иудейке Есфири, сделавшейся персидскою царицей, женой царя Артаксеркса и спасшей евреев от попытки их истребления царедворцем Аманом. Это событие стало поводом к установлению особого иудейского праздника Пурим (праздник жребия). В «Хевери» же еврейская тема открывает путь громогласной теме «человека».

И здесь нельзя не обратиться к жанровой специфике произведения. Перед нами «драматическая поэма», представляющая собой особый жанр, синтезирующий свойства трёх родов литературы — эпоса, лирики и драмы. Развитие данный жанр обрёл в творчестве П. Б. Шелли, Дж. Г. Байрона и др. В. М. Жирмунский писал о поэме «Манфред» Байрона следующее: «С влиянием “Фауста” Гёте связана и драматическая форма “Манфреда”, названного самим Байроном “драматической поэмой”. Следуя примеру “Фауста”, Байрон создаёт новый поэтический жанр философской лирической драмы»⁷. Существенен в драматической поэме особенный характер конфликта: по словам Жирмунского, «драматический конфликт, столкновение героя с другими действующими лицами, почти отсутствует: в словах и действиях героя лишь раскрывается развитие его внутреннего мира»⁸. В драматической поэме «Хеверь» мы обнаруживаем, что внешняя событийная динамика предельно ослаблена, всё напряжение исходит от внутреннего психологизма, а не от сюжетных коллизий. Внимание автора направлено внутрь, на душевную, психологическую сторону жизни действующих героев. Сфера *намерения* властвует над сферой *действия*, развитие персонажей происходит изнутри. Так, через ключевой тип проблематики являет себя «концепция личности» как жанрообуславливающий фактор⁹. Категория «концепции личности», являясь вызывающей жанр к жизни, так как

6 Соколовский В. И. Хеверь. Драматическая поэма // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Т. 2. Ставрополь, 2011. С. 35.

7 Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур: Избранные труды. Л., 1981. С. 221.

8 Там же.

9 См.: Головки В. М. Герменевтика литературного жанра: учебное пособие. М., 2019. С. 61–75.

несёт в себе содержательный охват изображения человека в его отношении к миру, невероятно актуальна для современной теории жанра.

Приведём несколько текстуальных примеров из «Хевери». Открывает поэму монолог Дедана: «Ужасный день!.. <...> Жестокие страдания // От бешенства, досады и тоски // Меня казнят, как острые клинки!»¹⁰. В герое постепенно вызревает решение, которое, по его мнению, прекратит его внутреннее томление — решение о предании персидских иудеев на уничтожение, что вызывает у него инфернальный экстаз, порабащивающий его душу: «Вот вижу я: открылась настежь дверь // Безмерного, чудовищного ада, // И пламенем незримого огня // Так хорошо пахнуло на меня!..»¹¹. Интересно, что образ Дедана заключает в себе всю тёмную сторону ветхозаветного представления о мире: идеи мщениия, примата закона над благодатью и т. д.

Как писал Г. А. Гуковский, отмечавший значительное влияние художественных открытий В. Жуковского на творчество русских романтиков, романтическая личность ищет самое значительное внутри — «в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, в переживании своей души, как целого мира и всего мира»¹². Данная особенность ведёт нас к более широкой категории «идеи человека», которая как тип мироотношения являет себя в специфике художественного метода, детерминируя принципы жанрообразования. При этом эволюционирующая идея человека, даёт возможность выявления стадийности развития литературы и культуры в целом и обеспечивает «динамическое» в жанре.

Тема личности как индивидуальной сферы реальности, особого микрокосма особым образом проявляет себя именно в образе главной героини драматической поэмы Соколовского — Хевери, противопоставленной всем другим персонажам, так как в ней гармоническое преображение ветхозаветных истин в соединении с новым, живым и живительным евангельским Словом образует особую духовно-личностную цельность. Остальные герои обнаруживают свою двойственность, они подвержены разрывающим внутренним противоречиям. В форме движения мировоззренческих оппозиций «предвещается романтическая коллизия с её динамикой и неизбежным беспокойством»¹³. Здесь парадигматическое изображение внутреннего хаоса выражается

10 Соколовский В. И. Хеверь. С. 35.

11 Там же. С. 84.

12 Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. С. 42.

13 Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 27.

очень ярко. Об этом писал и М. Я. Вайсопф, отмечая колоссальное влияние на сцены статического хаоса, представленные в русской поэзии, оказанное переводом Жуковского «Шильонского узника» Байрона 1822-го г.: «включая, кстати, и “Хеверь” Соколовского (другим его источником был, как сказано, Юнг-Штиллинг)»¹⁴.

В поэме, как мы уже отметили, повсеместно возникает свойственная романтическому методу дуальность. Внутреннее противопоставлено внешнему: «И что нельзя со внутренне святым // Презренному и внешнему земному // Сливаться здесь и жить в душе одной...»¹⁵; мёртвое — живому; Ад — Рай, чувство противопоставляется уму: Хеверь говорит своему воспитателю Асадаю, что во всей его внутренней борьбе виновато прежде всего то, «что чувства, ты поставил под умом»¹⁶. Интересно тут примечание к понятию «чувство» самого Соколовского: «Под чувством я разумею одну святую любовь со всеми ее видоизменениями, например, милосердием, состраданием, кротостью и так далее. Потому-то ниже Хеверь говорит, что чувства есть Бог, ибо по священному Писанию: Бог есть любовь»¹⁷. Это примечание говорит о наличии самой прямой интертекстуальной связи с текстом Евангелия от Иоанна, что важно отметить, потому как всеми исследователями и авторами примечаний и биографических статей выделялась только наиболее очевидная связь «Хевери» с ветхозаветной Книгой Эсфири.

Библейский источник драматической поэмы намного шире, чем одна названная Книга. В тексте упоминаются следующие образы, в которых значимые библейские имена и сюжеты: «Давида трон»; «светлые скрижали Моисея»; «зерны Авраама»; «Ерусалим был светел, как любовь, Мир ликовал, а новой жертвы кровь Потоками спасения струилась!...»¹⁸ (образ жертвы Христа), в монологах еврейки Хевери отчётливо слышатся Евангельские заповеди Блаженства из Нагорной проповеди Христа. Но мы хотели бы обратиться именно к роли и функциям этих источников в художественной системе поэмы. По справедливому замечанию об источниках художественного произведения В. Е. Ветловской, «комментируя частности, необходимо учитывать всю совокупность относящихся к ним сведений, а также роль и функцию этих деталей

14 Вайсопф М. Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012. С. 242.

15 Соколовский В. И. Хеверь. С. 43.

16 Там же.

17 Там же. С. 88.

18 Там же. С. 45, 48, 50–51.

в художественной системе»¹⁹. Данный путь к пониманию кажется нам наиболее продуктивным в процессе постижения художественного замысла, ведь так и остаётся открытым вопрос: почему, изображая ветхозаветный сюжет, автор вводит реминисценции, отсылки к Новому Завету, которые при этом не нарушают общего строя произведения?

Источники, выступающие как следы художественной рефлексии автора-творца, моделируют расширение сюжета об Эсфири — образуется своего рода микрокосм душ, в каждой из которых идёт борьба страсти и чувства (они у Соколовского прямо противопоставлены) в лицах Дедана и самой Хевери. Ветхое преодолевается Новым (последняя часть поэмы даже имеет соответствующее название «Ветхое и новое»). И для того, чтобы это Новое воплотилось в живом Слове, автор вводит евангельский текст, который является не менее значительным источником «Хевери».

Так, образ проповедующей любовь, кротость, смирение Хевери обуславливает и сюжетное развёртывание, так как в канонической книге Эсфири виновник гонений на иудеев был повешен, после того и его десять сыновей были убиты, а Эсфирь в знак отмщения пожелала повесить их уже мёртвых. Хеверь (Эсфирь) Соколовского, напротив, просит супруга пощадить Дедана: «Заплатим же за пагубу добром // И, возносясь над ветхими страстями, // Возьмёмтеся за новое теперь: // Простим ему...»²⁰. Модернизация библейского сюжета в пользу органичного развития образа персонажа демонстрирует значимость изменения структуры мировоззренческих парадигм. Специфика ветхозаветной теологии оказывается не способна вместить то художественное своеобразие созданных Соколовским образов, что влечёт за собой расширение источника произведения.

Таким образом, обращение к источникам поэмы В. И. Соколовского «Хеверь» приводит нас к выводу о том, что эта проблематика нуждается в функциональном освещении, в более подробном изучении в связи с различными аспектами художественного своеобразия творчества писателя, что может и составлять дальнейшую перспективу исследований.

19 *Ветловская В. Е.* Проблема источников художественного произведения // *Русская литература.* 1993. № 1. С. 111.

20 *Соколовский В. И.* Хеверь. Драматическая поэма. С. 84.

Источники

Соколовский В. И. Хеверь. Драматическая поэма // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Т. 2. Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. С. 35–88.

Литература

Вайскопф М. Я. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Ветловская В. Е. Проблема источников художественного произведения // Русская литература. 1993. № 1. С. 100–116.

Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 томах. Т. 8: Былое и думы. 1852–1856. Ч. 1–3. / ред. Д. Д. Благой. М.: Издательство АН СССР, 1956.

Головки В. М. Герменевтика литературного жанра: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2019.

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Художественная литература, 1965.

Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур: Избранные труды. Л.: Наука, 1981.

Киселев-Сергенин В. С. В. И. Соколовский // Библиотека поэта. Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. Т. 2. / под. общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1972.

Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995.

Чивилихин В. А. О В. И. Соколовском // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Т. 2. Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. С. 245–260.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Лермонтов и барокко. Ставрополь: Издательство СГУ, 2007.